

АННА ХАРЛАНОВА

СТИХОСЁТР

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Х20

Х20 Харланова Анна

Стихоосётр / А. Харланова. — М.: Формаслов, 2021. — 90 с.

ISBN 978-5-6045425-0-7

Написать стихотворение — как забросить невод в море. Бесконечная рябь и рыба окружает ловца слов и сновидений. В акварельные этюды быта Анна Харланова подмешивает знакомые каждому ощущения. Перед вами стихотворный улов последних лет. Осетрина — рыба царская, но какой вкус у стихоосетра? Переменчивый, как сама жизнь? Чувственная лирика, городские пейзажи, живые наблюдения и домашние зарисовки. О любви и надежде, о смерти и поисках счастья. Это стихи середины недели, когда понедельник еще не отпустил, но суббота уже не за горами. Четверговые стихи, ведь четверг, как известно, рыбный день.

ISBN 978-5-6045425-0-7

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Харланова, текст, 2021
© А. Пинчук, дизайн обложки, 2021
© Формаслов, 2021

От автора:

«Мне понравилось это писать».

От редакции:

«Нам понравилось это читать».

Издали
 Вижу тучи, что за ночь вызрели,
 Белой мякотью крупной
 Просыпаются над рекой.
 Просыпаются петухи,
 Но не слышно мне их лихих
 Кукареку, кукареку.
 Дед соседский на перекур
 Вышел, топает вдоль реки...
 Там довольные рыбаки
 Медитируют в тишине,
 Ловят рыбу, считают снег.
 Бесконечная рябь и рябь
 Там, а в доме — тепло смолы,
 Мандариновый дух,
 Стрелка движется вниз, на юг.
 Тик и так, так и тик.
 А за окнами снег летит.

Тает в небе лунное сомненье,
И весна у вечности в плену:
Снег идет. Но знаю я: скорее
Он умрет, чем я сама умру.
И, попав в любовный треугольник,
Тишина хрустальная звенит.
Юный ветер к горизонту гонит
Вызревшее облако вины.
А луна сияет еле-еле,
Пульс ее почти уже ослаб.
Понимаешь, в сказочном апреле
Над умами властвует весна:
Исчезают древние печали,
Словно тени улетевших птиц...

Посмотри: ведь мы еще в начале
Этих перепутанных страниц.

Может, это любовь, как думаешь?
Может, это и вправду она —
Осторожная и безумная,
Словно ранняя наша весна.

И не сплю я уже, не бодрствую —
Существую на острие.
А стихи, словно рыбки заморские,
Пестрым пламенем — в сеть ко мне!

Паруса наполняет чувствами
И несет... но куда несет?
Интересно, а будет вкусным
Этот странный *стихоосётр*?

Собирая смородину

Сверкают леденцовые лучи —
И прячутся в листве усталых яблонь,
А я полдня пытаюсь разлучить
Смородину с одним кустом хотя бы.
Нагретая июльской жарой,
Горячая, как поцелуй внезапный,
Смородина смеется надо мной...
А солнце тихо движется на запад.
И кажется, не ягоды в руках,
А годы — им пора, пора скатиться,
Не прятаться ни в листьях, ни в словах,
Упасть в траву — и в землю возвратиться.

День потерял, и дым — это просто дым.
 Ангел с неба мне: ну-ка, поговорим,
 Что задумала, может, какой грешок?
 Не-хо-ро-шо!

Ангел, миленький, крыльями по щекам
 И по темени — это, чего уж там,
 Тихой девочке просто культурный шок...
 Не-хо-ро-шо!

Что не так, скажи? Видишь: бежит река,
 Катит камушки, солнце и облака,
 Дышит нежностью, шепчется камышом...
 Не хорошо?!

Пчелы вербушкам песню свою поют,
 Это ранний их, можно сказать, дебют.
 Пьют нектар они будто на посошок —
 Так хорошо!

Не ответил мне ангел, опять молчит.
 Я не знаю небесных тому причин.
 Время вымерло, время — пустой мешок.
 Не-хо-ро-шо...

Порой мне кажется, что прошлое ушло,
Как тени отступают перед светом,
Весенний холод — перед жарким летом...
Но так ли это?

Приходит смс из пустоты,
Из бесконечной ямы мироздания:
«Как ты?»

И множит эхо долгий коридор
Надежды: ты... ты... ты!..
Листвой янтарной кружатся желанья,
И солнечным сверкают предсказаньем,
И падают узором золотым.

Любовь не исчезает никогда:
Она янтарной бусинкой на четках
Висит себе, — я вижу это четко.
И доказательство не требует труда.

Ощущение — будто в тумане пытаюсь грести:
 Я не вижу тебя, да и берег отсутствует тоже.
 Скоро солнце проснется, а я не умею простить.
 Ты молчишь, я молчу, только волны, качая, тревожат.
 Небо станет светлее, и солнце, конечно, взойдет,
 Но какая нам радость, какая нам радость от пекла?
 Я молчу, ты молчишь. Мы надеемся, помощь придет,
 И в блуждании нашем появятся смысл или вектор.
 Ты со мною, ты рядом, но — боже мой! — как ты
далек!
 Я нуждаюсь в любви, я нуждаюсь — а ты безучастен.
 Рассыпается время на сотню рифмованных строк
 О любви и надежде, о смерти и поисках счастья...

Одна звезда явилась раньше всех:
Она мне путь укажет и утешит,
Когда утрачу в сердце безмятежность,
Когда тревога — белкой в колесе.

Огни дрожат, мигают на ветру,
И город ждет: опустится прохлада...
Но чувства, охлажденные к утру,
Воспламятся от родного взгляда,

И снова будет жуткая жара,
И духота повиснет над асфальтом,
И жизнь проделает шальное сальто,
Когда вдруг станет ясно, что пора...

А море шумит-шумит, и я не могу уснуть.
 Я слышу, как море дышит.
 И чувствую: берег дышит.
 А я лежу на песке, песок — я сама, моя суть.
 Большое животное-море подходит ко мне все ближе,
 Я чувствую влажный нос
 И слышу соленый запах,
 И брызги с его спины летят на мое лицо.
 Животное-море мне
 Приносит любовь на лапах:
 Песчинками, галькой, стеклом —
 Россыпью леденцов.
 Мне страшно открыть глаза,
 Мне страшно себя увидеть:
 Безмерная глубина, раскрывшийся горизонт...
 Когда по-людски нельзя, придется тогда по-рыбьи
 Решиться, нырнуть и плыть, и может, тогда повезет.
 А море шумит-шумит...
 Аморе.

Осенним дымом пахнет так тоскливо:
Сгорают сны.
И терн созрел — такая, знаешь, слива,
Кислей которой только вкус вины.
Он падает с куста в полынь сухую...
Дожди лишь завтра обещают, а пока
Я вспоминаю лето, и тоскую,
И низкие считаю облака.
Спускаюсь в тень кустов, иду оврагом.
Не вижу горизонта, вижу — путь.
На дне из-под земли сочится влага,
Не оступиться бы — перешагнуть
И выбраться наверх, под шепот сосен,
Туда, где красный цвет на бузине
Сигналил мне: уже настала осень.
И Бог вздохнет и вспомнит обо мне.

А поезд тянет мерный стук колес
 На мост, за мост, за горизонт закатный —
 И сотни судеб, мчащихся куда-то,
 Мелькающих за окнами берез...
 Затем поля, поля, пылят комбайны,
 Овес и рожь, над ними — облака.
 Попутчики, возникшие случайно,
 Расскажут тайны тайн наверняка.
 И истина откроется, и водка,
 И огурцы, и что-нибудь еще.
 И, может быть, нетвердая походка
 К табличке «Посторонним воспрещен...»,
 А может, обойдется все беседой —
 Для всех приятной, без обид, без драк;
 Довольные поездкою соседи
 На полки лягут — поезд как-никак.
 И будет их покачивать дремотно,
 Один из них, конечно, захрапит,
 Кому-нибудь наутро на работу,
 И будет он несвеж, помят, небрит.
 А поезд отутюживает рельсы,
 И все равно — закат или восход,
 И все равно, где едем: полем, лесом...
 Тук-тук...
 Чух-чух...
 Ведь все пройдет.
 Пройдет.

И если мне по пятам идти
И спотыкаться, дыша в затылок —
Изыди, выйди, сойди с пути,
Со звонкой тропки пустых бутылок.
Не обернешься — зачем тебе,
Вперед смотрящий, вперед идущий,
Загородивший собой весь свет
И не пускающий день грядущий...
Попусту время — попутал бес,
Ворон в ветвях повторяет: «Дура!»
Дышит прохлада с пустых небес,
Мертвые листья лежат понуро —
Лишние.

Яблоки спят в траве:
Боль, зарумянив, морозит им щеки.
В яблочном сердце зарубки — две,
Обе сочатся червивым соком.
Сок замерзает: уже мороз.
Листья грехов устилают выход
С этой тропинки среди берез —
Белых надежд, безнадежно тихих.

Кусочки апельсина
В тарелке на столе,
И кофе, как тряпина,
Утягивает в не-
Приятие покоя,
Приятие себя —
Без сахара, без боя
Сдаюсь и вязну я.
Оранжевой и свежей
Мне грезится любовь,
И апельсин-надежда
Лишь цветом как морковь.
Заметьте, я без крови
Проигрываю бой
Своей земной любви,
Любви своей земной.

У поезда стоянка пять минут.
И все идут курить, дышать и мерзнуть,
Пока обратно в путь не позовут
В вагонный, подогретый печкой воздух,
И снова будет роллтон на обед.
И ощущаешь временную странность,
Не понимаешь, поздно или рано:
Все время сумрачно и солнца нет.
Зевают проводница, спит сосед,
В стакане чай по вкусу, как солома,
А я пишу от скуки этот бред...
Я только через сутки буду дома.

А я не буду, а я не желаю ждать
 И жаждать встречи, и жертвовать жизнь — не буду.
 Сомнений листья легко опадут опять
 В большую чашку пруда — великанью посуду.
 И боль велика, и любовь моя — просто гигант,
 И только сама я — ничтожная, мелкая, злая,
 Вмещаю обиду всего лишь на два гига,
 А все остальное уже я в себя не вмещаю.
 И падают тени крест-накрест и наискосок,
 Асфальт разлинован, расчерчен, асфальт
расквადрачен, —
 В ячейках хранятся мечты и полно всяких всячин,
 И тихо стекается в лужицы солнечный сок.

Все скучно. Надо мною абажур —
Ровесник мне. Скажу тебе — услышишь?
Два дня спустя я окажусь в Париже,
Де жюр, всего какие-то де жюр.

Пока — лежу, и абажур погас.
Строка цепляет рифму, тянет нервы.
Два дня — и я увижу Монпарнас
И Мулен Руж в сиянии вечером.

Прожить два дня, от скуки не завять,
И в чемодан сложить стихи и вещи...
Но мне сейчас все кажется зловещим —
И небеса закатные в крови.

Читаю книгу, слушаю часы
И знаю: без тебя мне трудно выжить
И в этот день, и завтра, и в Париже,
И на бетонке взлетной полосы.

И только рядом оказавшись вдруг, —
Возможно, это сбудется, не знаю, —
В твоих глазах воскресну, умирая
В другой вселенной, в дырах от разлук.

Курю, выдыхаю не дым — стихи.
 Видишь то облако, видишь?
 Звезды падают, звезд штрихи
 На небе — желаний выдох.

Воздух устал, воздух отяжелел.
 Вечер обветрен закатом грубым.
 Яблоко спит на моем столе,
 Так и зовет, так и манит губы.

Не прикоснусь — я боюсь, боюсь:
 Вдруг не смогу, как тогда, как раньше,
 Вдруг это был просто сон-обманщик,
 Вдруг разобьюсь?..

Камыш о чем-то шепчет золотой
На берегу, усталый и помятый.
Качает ветер мостик над рекой,
Дрожат как струны и поют канаты.
На нем я неустойчиво стою,
Ловлю баланс — но подступает ужас.
Упасть и согнуться просто так боюсь,
А мостик все вертлявее и уже.
Пора идти, не вековать же тут!
Но гляну вниз — там девушка другая
Из темноты испуганно моргает
И молча ждет, когда ее спасут.

Я подумала было, что я рождена для стихов;
 Что особый мне путь и что он для всего оправданье;
 Что мораль — для других, для меня же — ни дна, ни
 грехов;
 Что наполнена жизнь... Оказалось — лишь буря в
 стакане.
 Что потом — все равно, я сейчас, я особая тварь:
 То ли божья, а то ли — неясно, но точно живая.
 С детства знала: во мне непростой ослепительный
 дар,
 И стихи, проливаясь, божественным светом мерцают.
 Я подумала было, что знаю, зачем я живу,
 И другим рассказала: смотрите, какое-то чудо!
 Оказалось — как все.
 Оказалось — я тоже умру.
 И — забудут.

Летний вечер

Так безмятежно... Лето. Мошкара
И та устала в мареве закатном.
А дыня, позабытая с утра,
Гудит, живая, зла и полосата.

И сад дорожки наполняет тьмой,
А вместе с ней спускается прохлада.
И засыпают мальвы и левкой,
И просыпается сверчок у винограда.

А в вышине медовая луна
Полным-полна созревших обещаний,
А рядом — звезды каплями желаний,
Как брызги недопитого вина.

Таится прошлое-паук
В воспоминаний паутине.
Еще и жертва не остынет,
Как тянутся к ней восемь рук,
И восемь глаз в нее глядят,
Как в бездну. И желанье мучить —
Оно поистине паучье:
Кусаться, впрыскивая яд...

И мысль моя, как мотылек,
Трепещет в путанице строк...

А ветер крошит день —
Сухарь из белой булки.
Мы думаем, что снег,
И дети все: ура!
И только я молчу,
Иду по переулку —
Куда-то лишь бы, лишь
Бы выйти со двора.
И в валенках тепло,
И не кусают мухи, —
Казалось бы, чего
Мне надобно еще
Для счастья на земле?
Навстречу вдруг — старуха,
Но вижу: без косы,
Тогда она не в счет.
Не торопясь иду —
Покорна, без попкорна,
Да не к кому идти:
Меня никто не ждет.
И крошится сухарь,
Уже не белый — черный.
Такая вот зима,
Такой вот снег идет.

Влюбленность

Вдруг кто-то крикнул: «Эй, остановись!»
И показалось — мне, хотя кому-то.
А сердце отсчитало три минуты,
Перевернулось и взлетело ввысь.

И вверх ногами стали вдруг дома,
Автобусы, трамваи и машины,
Цветы на клумбах, елок бахроме,
Киоски, остановки, магазины.

Над головой чужая жизнь идет,
Арбузы на прилавках дозревают.
А для меня весь мир наоборот:
Я облака ногами попираю.

Не все на свете связано с тобой.
Не связан ветер, и камыш не связан:
Растет себе в пруду под тенью вяза
И прячет птиц в обители земной.

Не связана дорога, и поля —
До горизонта и намного дальше,
Не связана невыносимость фальши,
Моя невыносимость бытия.

И кажется, прозрачные стихи
Свободны тоже, только воспаленно
Дыхание любой моей строки,
И между строчек — ты, определенно.

Но не связать с тобой саму меня,
Не взять на память — это невозможно.
И оживает день, и смотрит строже,
Не собираясь что-либо менять.

